

УДК 327

АГОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
Заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье раскрываются основные черты агонального дискурса политики памяти на примере современных попыток пересмотра советской истории, событий и итогов Второй мировой войны, осуществляемых западными, европейскими и украинскими идеологами. В качестве инструментов современной политики памяти авторы рассматривают такие приемы и технологии как: отождествление советского и гитлеровского режимов путем подведения их под родовое понятие «тоталитаризм», создание концепции двойной оккупации и двойной жертвы, конструирование «близнецов», сакрализация национальных страданий, «забвение» ответственности европейских государств и США за содействие нацизму и др.

Авторы обращают внимание на ответственность российской элиты за дискредитацию советской истории, за создание благоприятной атмосферы для радикального идеологического наступления неолиберального дискурса политики памяти.

Ключевые слова:

агональный дискурс, политика памяти, войны памяти, дискурс дискредитации, тоталитаризм, советский режим, технология конструирования «близнецов», стратегия забвения, декоммунизация, Вторая мировая война.

Агональный дискурс (от греч. «агон» – состязание, поединок) становится господствующим в политическом коммуникативном про-

странстве в условиях нарастания напряженности и раскручивания конфликтов. Особенно интенсивно агональный дискурс проявляет

себя во время идеологических и информационных битв, перерастая в дискурс вражды и ненависти. Сегодня, когда отчетливо обозначились геополитические противоречия между условным Западом и Россией, агональный дискурс превратился в эффективный инструмент информационно-психологической войны, в атрибут политической полемики и политики памяти.

Политика памяти, если говорить кратко, представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Сегодня в новых государствах Восточной Европы главной стратегией политики памяти является переосмысление советской истории, в том числе истории социалистического блока с позиции исключительной ответственности СССР и России как его преемницы за преступления политического режима. Широкое распространение получает так называемая «оккупационная риторика», согласно которой утверждается, что народы Восточной Европы, в том числе и те, которые проживали на территории СССР, перенесли две оккупации – нацистскую и советскую.

На Украине данная стратегия стала активно реализовываться после 2004 года, когда центральное место в национальной политике памяти занял концепт Голодомора. Для данного концепта, поддерживаемого официальными кругами Украины, а также целым рядом антироссийски настроенных представителей других государств, характерны следующие стратегические интенции: пропаганда этнической эксклюзивности титульной нации; установка на конфронтационное восприятие всего советского, включая коммунистическую идеологию и символику; ксенофобия; доминирование идеологических форм над научной аргументацией; акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации, сакрализация национальных страданий и жертв; героизация противников советской власти; возложение главной ответственности за причиненное зло на московский коммунизм [5, с. 217–255].

Конфронтационный дискурс политики памяти получил название «войны памяти» [1]. Войны памяти сегодня являются неотъемлемым компонентом информационных и идеологических войн. В целях переформатирования массового исторического сознания в пользу дискурса дискредитации всего советского, включая победу советского народа во Второй мировой войне, современные восточно-европейские и украинские конструкторы политики памяти активно используют теорию тоталитаризма. Ключевой технологией в данном случае является *технология конструирования «близнецов»*, посредством которой происходит уравнивание по силе бесчеловечности гитлеровского и сталинского режимов путем подведения их под общий знаменатель нравственно и политически осуждаемого тоталитаризма. При этом осуществляется еще одна операция отождествления: сталинизм рассматривается в качестве родового имени всего советского строя и синонима коммунизма.

В итоге под вывеской осуждения всех разновидностей тоталитаризма восточно-европейскими идеологами политики памяти целенаправленно транслируется агональный дискурс, направленный на формирование, с одной стороны, сугубо отрицательного образа всей политики СССР, включая политику в отношении стран социалистического блока, а с другой стороны, сознательно формируется и закрепляется в коллективной памяти жертвенный образ собственного народа. При этом эмоциональный накал агонального дискурса существенно усиливается путем конструирования *образа двойной жертвы*, поскольку считается, что восточно-европейские страны, народы Прибалтики и Украины являются жертвами сразу двух страшных тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического.

Дискурс двойной исторической жертвы находит свое воплощение в определенных политических инициативах и законодательных актах, закрепляющих в правовом порядке антисоветскую и антикоммунистическую риторику, а также учреждающих новые памятные даты, символизирующие переосмысление истории

Второй мировой войны и СССР с позиции принципа тождества нацизма и советского строя. Так, к примеру, в апреле 2009 г. по инициативе стран Балтии и Польши Европейский парламент принял «Резолюцию о европейской совести и тоталитаризме», в которой 23 августа (дата подписания известного пакта Молотова–Риббентропа) было объявлено Общеввропейским Днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Данный день памяти стал трактоваться как дополнение ко дню памяти 27 января¹.

В том же русле концептуального переосмысления истории Второй мировой войны с использованием приема отождествления национал-социализма и коммунизма как тоталитарных режимов, равно ответственных за военные и иные преступления, трудится современное украинское руководство. В марте 2015 г. с одобрения Верховной Рады президент Украины П. А. Порошенко подписал Указ «О мероприятиях празднования в 2015 году 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй мировой войны», в тексте которого полностью отсутствуют термины «Великая Отечественная война», «Советский Союз», «советские воины», «Красная армия», а ветераны войны, воевавшие в рядах советской армии, уравниваются по своему вкладу в борьбе с нацизмом с ветеранами «украинского освободительного движения времен Второй мировой войны». Согласно Указу, на Украине вводится новый государственный праздник – День памяти и примирения, который следует отмечать 8 мая. Делается это в целях закрепления в массовом сознании формулы «героического равенства» советских ветеранов войны и ветеранов УПА. Кроме того, дата нового праздника призвана символически обозначать интеграцию Украины в Европу, поскольку в Европе день Победы отмечается на день раньше, чем

в России [10]. Официальный Киев данным указом дает сигнал европейским партнерам о своем принципиальном размежевании с российской политикой памяти, а также с теми, кто продолжает придерживаться формулы победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Логическим продолжением Указа стал закон «Об осуждении коммунистического и нацистского режимов», принятый Верховной Радой и подписанный президентом Украины П. А. Порошенко в мае 2015 года. Данным законом запрещается пропаганда коммунистического режима и его символики, так как это считается надругательством над памятью миллионов жертв.

Согласно закону, пропагандой коммунистического тоталитарного режима считается:

- публичное отрицание преступного характера данного режима;
- распространение информации, оправдывающей преступный характер коммунистического режима, деятельности советских органов госбезопасности, борьбы против участников борьбы за независимость Украины в XX веке;
- производство, распространение и публичное использование продукции, содержащей символику коммунистического режима.

Под символикой коммунистического режима подразумевается какое-либо изображение государственных флагов, гербов и других символов СССР, УССР и других советских республик, а также стран «народной демократии» (ГДР, Чехословацкой социалистической республики и др.). Исключение составляют только те флаги и гербы, которые являются действующими до сих пор. Под запрет попадают символы, соединяющие серп и молот, серп, молот и пятиконечную звезду, плуг, молот и пятиконечную звезду. Запрещены памятные знаки, посвященные руководителям коммунистической партии и сотрудникам советских органов госбезопасности. Также должны быть сняты памятники, посвященные коммунистическим деятелям и знаменательным событиям коммунистической партии, кроме изгнания

¹ В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Израиля решила объявить 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста, связанный с днем освобождением узников Освенцима. В Германии этот день с 1996 г. объявлен национальным днем памяти жертв национал-социализма.

фашистских оккупантов из Украины [11]. В пояснительной записке к проекту закона «О дне памяти и примирения», написанной группой депутатов Верховной Рады, давалась следующая переработанная в новом концептуальном ключе версия значения Дня Победы для Украины: «Вторая мировая война, которую развязали два преступных тоталитарных режима, стала наибольшей трагедией человечества в XX веке... К сожалению, капитуляция 8 мая 1945 года нацистской Германии не положила конец жертвам украинцев от тоталитарных режимов. В 1945 году на территории Украины имела место победа одного тоталитарного режима над другим, но не победа Украины... Для украинцев вторая мировая война началась в 1939 году с оккупации независимой Карпатской Украины и продолжалась до середины 50-х годов, пока подполье оказывало сопротивление советскому режиму. Поэтому трактовка второй мировой войны как «Великой Отечественной», как и празднование 9 мая как дня победы, для украинцев некорректна и является рудиментом идеологических штампов» [12].

Курс на декоммунизацию в рамках современной украинской политики памяти в значительной степени является идеологическим заимствованием у европейских соседей. В ряде стран Центральной и Восточной Европы в 2000-е годы были приняты законы, запрещающие коммунистическую пропаганду и использование коммунистической символики. Например, Венгрия в 2000 г. внесла в Уголовный кодекс уголовное наказание за использование как фашистской, так и коммунистической символики (серп и молот, красная звезда). Впоследствии, в 2008 г., рассматривая дело «Важной против Венгрии»², Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) осудил Венгрию за нарушение свободы выражения мнения в связи с применением уголовного наказания к одному члену партии за прикрепление

к одежде коммунистического символа во время публичной демонстрации.

В апреле 2013 г. венгерский Парламент проголосовал за новую редакцию закона, осуждавшего тоталитарные режимы, с тем, чтобы привести его в соответствие с замечаниями, на который указал ЕСПЧ.

В 2010 г. Литва ввела уголовные санкции за публичную поддержку, отрицание или значительное умаление международных преступлений, а также преступлений, совершенных Советским Союзом или нацистской Германией против Литовской Республики или ее жителей. Сейчас законодательство запрещает использование коммунистических и советских символов, за исключением памятных манифестаций.

В Молдавии с 1 октября 2012 г. вступил в силу закон, который запрещает использование в стране в политических целях коммунистической символики. Согласно принятым молдавским парламентом поправкам в закон о партиях и в Кодекс о правонарушениях, за использование символа «серп и молот» в политических целях физическим лицам грозит штраф до 3 тыс. леев (240 долл.), юридическим лицам и партиям – до 10 тыс. леев (810 долл.). В том случае, если политические партии не исполнят требование о запрете спустя две недели после штрафа, их деятельность может быть запрещена.

Конституционный суд Республики Молдова обратился к Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) за правовой оценкой этих ограничений.

В итоге «Венецианская комиссия» признала введенный властями Молдавии запрет на использование коммунистической символики противоречащим Европейской конвенции по правам человека.

«Венецианская комиссия» сообщила, что запрет коммунистических символов на территории Молдавии противоречит сразу нескольким статьям Европейской конвенции по правам человека (10 и 11 ст.), касающихся свободы выражения мнения и свободы собраний и объединений. Комиссия Совета Европы

² Заявитель на тот момент являлся заместителем председателя Рабочей партии Венгрии и был осужден за ношение красной звезды на одежде.

за демократию через право также отметила, что серп и молот не могут рассматриваться исключительно в качестве символа коммунистического тоталитарного режима. По ее мнению, не прослеживается связь между существовавшей в прошлом тоталитарной коммунистической идеологией и символами серп и молот, которые Партия коммунистов Молдовы использует с 1994 г.

Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) участвовала с этой символикой во всех парламентских, президентских и местных выборах, и сейчас представляет собой крупнейшую оппозиционную партию, представленную в парламенте, и не собирающейся насильственно свергнуть демократический конституционный порядок. Венецианская комиссия полагает, что лишение кандидатов от коммунистов права участвовать в выборах под своим символом является посягательством на свободу ассоциации с партией, а запрет символики ПКРМ может привести к тому, что партия прекратит свое существование.

Комиссия не видит реальной или возможной угрозы восстановления в Молдавии коммунистической диктатуры и поэтому считает, что «запрет символики в качестве превентивной меры по защите демократии не может рассматриваться как насущная социальная потребность». В заключении комиссии говорится, что закон о запрете коммунистической символики «следует признать неконституционным и отменить, поскольку в противном случае Молдавии не избежать очередного проигранного дела в Европейском суде по правам человека» [13].

В итоге Конституционный суд Республики Молдова принял Постановление № 12 от 04.06.2013 г. «О контроле конституционности некоторых положений, касающихся запрещения коммунистической символики и пропаганды тоталитарных идеологий (Обращение № 33а/2012)», которым фактически признал неконституционным запрет коммунистической символики в Молдове.

В современной Европе, считают эксперты в области политики памяти [7, с. 50–53], зреет опасный идейный раскол между теми,

кто чтит память о жертвах Холокоста и теми, для которых первоочередное значение имеет память о жертвах коммунизма. Исследователи приходят к выводу, что Европа не созрела для общей политики памяти в отношении осмысления феномена и уроков Второй Мировой войны. Наблюдается асинхронность и противоречивость исторической памяти. Многие люди в Европе приветствуют общий день памяти жертв национал-социализма и коммунизма. В то же время, значительная часть европейцев задается вопросами: приемлемо ли в один и тот же день поминать жертв разных преступлений; можно ли считать советский режим столь же преступным и ответственным за развязывание Второй мировой войны как режим нацистской Германии?

Проблема актуализации стратегий политики памяти сегодня поднята на уровень государственной политики России. Не так давно появился президентский заказ на единый учебник истории для средней школы, который мог бы способствовать выработке общественного консенсуса в области интерпретаций противоречивых фактов и событий прошлого, став тем самым идейным базисом для укрепления национально–государственного единства страны. В ответ на вызов, брошенной властями российскому историческому сообществу, в СМИ и научных центрах России стали проходить публичные дискуссии относительно самой возможности появления единой концепции многовековой истории России. В итоге обозначились две альтернативных точки зрения по данному вопросу. Согласно одной позиции, которую можно обозначить как оптимистическую, достижение консенсуса в отношении спорных моментов в истории России, в частности, оценки сталинизма и причин распада СССР, вполне возможно, если рассматривать российский исторический процесс с позиции общемирового исторического контекста (позиция группы историков из Высшей школы экономики). Другая позиция – скептическая. Она акцентирует внимание на том, что при создании универсального школьного учебника по истории России существует угроза создания

труда наподобие «Краткого курса истории ВКП(б)» под редакцией И.В. Сталина, в котором история была препарирована под углом зрения определенной политической конъюнктуры и сопровождалась существенными искажениями фактов.

Одновременно с официальным политическим заказом на единый учебник истории России, в отечественных научных и политических кругах ведутся острые дискуссии по проблемам интерпретации постсоветской истории России.

Очевидно, что острота внимания к «спорным» (или малоизвестным) вопросам современной истории возникла не на пустом месте и носит, отнюдь, не только академический интерес. Крупнейшая геополитическая катастрофа современности (как бы мы к ней не относились) – разрушение СССР, – повлекла за собой целую лавину развалов и разрушений, о которых инициаторы беловежского соглашения вряд ли могли даже подумать.

Начать с того, что достижение в 70-е годы военно-стратегического паритета между СССР с одной стороны, и США, Великобританией и Францией – с другой, заложило фундамент для начала разрядки напряженности, заключения договоров об ограничении СНВ, для перехода от конфронтации к сотрудничеству в Европе и окончания «холодной войны». Оно включало такие важные компоненты, как признание итогов Второй мировой войны, нерушимость границ в Европе, организацию многообразного сотрудничества стран с различным социально-экономическим и политическим строем.

Вместе с тем, на Западе и в России итоги Холодной войны, особенно в 90-е годы, трактовались прямо противоположно. На Западе считали и продолжают считать, что Советский Союз проиграл Холодную войну. В США была даже выпущена медаль за победу в этой войне. В России долгое время считалось, что мы пошли на уступки Западу ради достижения мира. С этой иллюзией российская политическая элита начала расставаться только в 1999 году, когда «получила пощёчину» от США и НАТО,

начавших бомбардировку Югославии без согласия России и ООН. Россия в 1990-е годы рассматривалась Западом как поверженная страна. И лишь из соображений дипломатии нам не говорили об этом прямо. Хотя вели себя с Москвой именно как с проигравшей стороной.

Разрушение СССР было интерпретировано как исчезновение того партнера, который, обеспечивая равновесие сил в мире, был препятствием для конструирования однополярного мира. Кроме того, новое «демократическое» руководство России, провозгласившее курс на реставрацию капитализма, ввергло себя в концептуальный вакуум, «который антикоммунистические реформаторы могли заполнить, лишь заимствуя новые идеологические и политические модели у Запада» [4, с. 106]. Как оказалось, «реформаторы» ничего действительно нового в капитализме не увидели: западная модель свободной рыночной экономики, за которую они уцепились в бездумном отказе от всего советского, «имела мало общего с реальными российскими условиями», но более того «она имела столь же мало общего и с реальностями современного западного общества» [4, с. 107]. Как неоднократно замечалось многими, «в 1992–1998 гг. доктора и кандидаты экономических наук, оказавшиеся в российском правительстве, вдруг перестали понимать элементарные начала классической политэкономии. Возражения и протесты со стороны ученых и практиков против монетаризма экономической политики отбрасывались как несовременные и паникерские» [3, с. 88].

Не вдаваясь в перечисление теперь уже хорошо известных фактов новейшей истории России (последнего десятилетия XX в.), подчеркнем: «В конце XX в. Россия вновь оказалась страной зависимого развития (катастрофически нарастающие долги западным банковским корпорациям, продовольственная помощь и т.п.)» [Там же]; криминальная олигархическая экономика, превращение страны в сырьевой придаток развитых капиталистических стран, тотальная бюрократизация государственно-политической системы,

последовательное уничтожение научно-образовательного потенциала страны.

Известно, что с подачи определенных представителей современной политической элиты, в общественное историческое сознание было введено понятие «лихие девяностые», на которые стали списывать все стратегические просчеты и кризисные явления в развитии страны, включая глубокое социальное расслоение российского общества. В «лихих девяностых» усматривают также корни современной коррумпированности властных структур и чиновничества разных уровней. Наблюдая, с какой частотой данное понятие применяется в современном политическом дискурсе, как настойчиво оно используется для объяснения причины высокого уровня коррупции в стране, можно предположить, что именно данная объяснительная модель будет положена в основу нового проекта истории России постсоветского периода.

Именно на этой социально-экономической и политической основе вырос тот путь, который выбрала российская бюрократия: любой ценой сделаться частью западного мира. Каковы наиболее важные шаги в сторону европейской декоммунистической политики памяти были сделаны российской неолиберальной бюрократией?

Прежде всего – это отказ от всемирного значения Октябрьской революции, что вылилось в самых разнообразных формах ее дискредитации: от «академических» реанимаций буржуазных легенд о «немецких деньгах», до низкопробной клеветы и скрупулезной дегероизации. Особого внимания удостоился основатель Советского государства В.И. Ленин, мавзоль которого вот уже несколько лет стыдливо заколачивается фанерой во время праздничных торжеств. В этом же ряду стоят натужные попытки вычеркнуть из праздничного календаря день 7 ноября и заменить его неким «днем изгнания поляков из Кремля». Можно только догадываться, какая реакция последовала бы со стороны общества, например, во Франции при попытке вычеркнуть из истории 14 июля или в США – 4 июля.

Далее – это последовательная дискредитация всего, что связано с советским периодом отечественной истории – социального государства, социальной политики, советской науки и искусства, политики мирного сосуществования, интернациональной поддержки рабочего и национально-освободительного движения и т. п.

Наконец логика радикально-негативного переосмысления советской истории не могла не привести к закономерному итогу – отождествлению гитлеровского национал-социализма и большевизма (или сталинского коммунизма) на почве их сходства как тоталитарных режимов. В частности, печальным свидетельством результатов этих систематических усилий стали слова уважаемого академика о том, что «еще более определенным последствием Октябрьской революции, особенно порожденного ею сталинского режима, стал приход Гитлера к власти, Вторая мировая война» [2, с. 66].

Наряду с эпатажной и односторонне искаженной подачей открытия так называемых секретных протоколов к пакту «Молотова-Риббентропа» (1939) – это было уже прямой дорогой к тезису о равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны.

В этой невероятно благоприятной для Запада идеологической атмосфере его политическая элита предпринимает радикальный дискурсивный пересмотр политической картины мира. При этом осуществляется включение определенных механизмов «забвения», стратегически используемых политикой памяти.

Во-первых, решительно предается забвению проблематика западного происхождения фашизма, вскармливания нацизма европейскими и американскими транснациональными монополиями, «забывается» западная политика натравливания гитлеризма на Восток, вытесняется из коллективной памяти тесное сотрудничество правительств целого ряда европейских стран с гитлеровским режимом во время Второй мировой войны [8]. Американский экономист и общественный деятель Линдон

Ларуш подчеркивал: «...Следует вспомнить стратегию британской политики 1937–1940 гг., приведшей к разрыву британского финансово-истеблишмента с режимом Гитлера, который сами британцы и взрастили. До вторжения немецкого вермахта во Францию, нарушившего условия британских соглашений с прежним протезе Гитлером, практически вся английская аристократия, включая Черчилля, была готова «мириться» с Гитлером, который, как они полагали, нацелен на уничтожение Советского Союза. Когда же Гитлер сначала напал на Францию, и успешно, англо-американские и прочие финансовые круги, например, Прескотт Буш, дед действующего президента Буша, раньше проводившие политику умиротворения и сотрудничества с Гитлером, присоединились к Черчиллю и ко., отвернувшись от бывшего закадычного друга Гитлера. Так что только нарушение Гитлером соглашения не разрушать дипломатических границ на Западе заставило Британию отвернуться от бывших нацистских друзей» [9].

В ответ на попытки возложить ответственность за развязывание Второй мировой войны на советский коммунистический режим участникам современных войн памяти следовало бы оживить многочисленные свидетельства об экономической, военной и политической поддержке нацистского режима в Германии со стороны западного капитала. Общеизвестно, что во время Нюрнбергского процесса бывший президент Имперского банка Я. Шахт в беседе с американским адвокатом заявил: «Если вы хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли перевооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе. Вы обязаны будете предъявить обвинение американцам. Автозавод «Опель», например, ничего не производил, кроме военной продукции. Владела же этим заводом ваша «Дженерал моторс». Практически до окончания войны, имея специальное разрешение на торговлю с Германией, Италией, Японией, вела свой бизнес американская телекоммуникационная компания ИТТ. Не остановил производство во Франции после оккупации ее немцами

автогигант «Форд», при этом особое покровительство деятельности «Форда» в Европе оказывал лично Герман Геринг, возглавлявший промышленный концерн «Рейхсверк Герман Геринг». О чем говорить, если даже далекая от военных дел компания «Кока-кола» наладила в Германии производство напитка «Фанта»! Не помешала война «Стандарт ойл» заключить через британских посредников контракт с германским химическим концерном «И.Г.Фарбениндустри» на производство авиационного бензина в Германии. За время Второй мировой войны ни один танкер «Стандарт ойл» не был потоплен немецкими подводными лодками» [14]. Сотрудничали также фирмы IBM, Random House, Kodak, Hugo Boss, General Electric (GE).

Нельзя также забывать стремление Запада использовать разбитые части Вермахта для возможной войны с СССР, чрезвычайную поспешность использования гитлеровских генералов для создания бундесвера и оживления послевоенного германского реваншизма, одностороннее провозглашение ФРГ, до сих пор окутанное подозрительной секретностью [15].

Во-вторых, идеологи Евросоюза упорно не желают замечать не просто героизации позорных страниц истории сотрудничества ряда правительств восточно-европейских стран с гитлеровским фашизмом в период Второй мировой войны, но и прямых попыток возрождения нацизма. Всего один пример: так называемые «луковские марши» неонацистов в Болгарии, от которых в 2014 г. правительство этой страны впервые стыдливо откристилось, официально запрещая их; тем не менее, с 2003 г. они регулярно проводятся в февральские дни при поддержке более десятка национальных организаций. Акцию осудили в официальных заявлениях дипломатические ведомства России и даже США.

Сегодня все очевиднее становится подлинный политический смысл перекройки исторической памяти: то, каким образом препарируется история Великой Отечественной войны, то, как демонстративно западными политиками и СМИ тиражируются спекуляции

насчет «советской агрессии против Украины и Германии», «освобождения Освенцима украинскими солдатами» и «нецелесообразности празднования дня Победы над фашизмом в Москве», есть ни что иное, как переход Запада к новой, более агрессивной стадии идеологической и информационной борьбы против России, которая в настоящий момент выступает главной преградой на пути установления гегемонии международного неолиберализма.

В итоге можно сделать следующий вывод: в условиях современного противостояния России, отстаивающей свой государственный суверенитет, и антироссийски настроенных политических кругов стран Запада дискурс политики памяти превращается в агональный дискурс вражды, в инструмент агрессивной пропаганды. Впрочем, данная метаморфоза характерна и для других форм идейного влияния, как только они начинают входить в пространство конфронтационных отношений. Политика памяти, какая бы она ни была, остается все-таки политикой, регулирующей отношения между большими и малыми социальными группами, преследующие свои интересы в деле достижения власти. И поэтому важно помнить известные слова классика: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [6, с. 47].

1. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.

2. Гольдманский В. Эпитафия XX веку // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

3. В.П. Данилов. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

4. Р. Дэниэлс. Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

5. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. –

М.: Новое литературное обозрение, 2012.

6. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма (март 1913 г.). – ПСС, 5-е изд., т. 23.

7. Эгберт Ян. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / Эгберт Ян; [пер. с нем. М.А. Елизарьевой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.

8. Селиванов Юрий. Европейский союз Адольфа Гитлера. Коллаборационизм Европы времен Гитлера лишает ее морального права критиковать СССР и Россию // <http://politikus.ru/articles/42267-evropeyskiy-soyuz-adolfa-gitlera.html>.

9. URL: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a8447_hzl.html (дата обращения: 17.02.2015).

10. <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html> (дата обращения: 09.04.2015).

11. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (дата обращения: 16.04.2015).

12. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (дата обращения: 16.04.2015).

13. <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282013%29004-e> (дата обращения: 16.04.2015).

14. <http://infoglaz.ru/?p=22965>.

15. Gerd-Helmut Komossa. Die deutsche karte. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz, 2007. – 230 S. – URL: // <http://svpressa.ru/world/article/102180/> (дата обращения: 14.02.2015).

1. Bordyugov G.A. «Vojny pamyati» na postsovetskom prostranstv / Predislovie Alana Kasaeva. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 s.

2. Gol'danskij V. E'pitafiya XX veku // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

3. V.P. Danilov. Vozniknovenie i padenie sovetskogo obshhestva: social'nye istoki, social'nye posledstviya // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

4. R. De'nie'ls. Revolyuciya, obnovlenie i paradoksy Rossii v XX veke // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

5. Kas'yanov G. «Nacionalizaciya» istorii v Ukraine // Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

6. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnyx chasti marksizma (mart 1913 g.). – PSS, 5-e izd., t. 23.

7. E'gbert Yan. Spornye politicheskie voprosy s točki zreniya sovremennoj istorii / E'gbert Yan; [per. s nem. M.A. Elizar'evoj]. – М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014.

8. Selivanov Yuriy. Evropejskij soyuz Adol'fa Gitlera. Kollaboracionizm Evropy vremen Gitlera lishaet ee moral'nogo prava kritikovat' SSSR i Rossiyu // <http://politikus.ru/articles/42267-evropeyskiy-soyuz-adolfa-gitlera.html>.

9. URL: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a8447_hzl.html (дата обращения: 17.02.2015).

10. <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html> (дата обращения: 09.04.2015).

11. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i>

natsistskogo-rez (data obrashheniya: 16.04.2015).

12. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyim-chto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (data obrashheniya: 16.04.2015).

13. <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282013%29004-e> (data obrashheniya: 16.04.2015).

14. <http://infoglaz.ru/?p=22965>.

15. Gerd-Helmut Komossa. Die deutsche karte. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz, 2007. – 230 S. – URL: // <http://svpressa.ru/world/article/102180/> (data obrashheniya: 14.02.2015).

UDC 327

AGONISTIC DISCOURSE OF MODERN POLITICS OF MEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article describes the main features of agonistic discourse politics of memory as an example of modern attempts to revise Soviet history, events, and outcomes of World War II, carried out by Western, European and Ukrainian ideology. As the tools of modern politics of memory authors consider such techniques and technology as an identification of the Soviet and the Nazi regime by bringing them under the generic term «totalitarianism», the creation of the concept of a double occupation and a double victim, designing «twins», the sacralization of national suffering, «forgetfulness» of responsibility European countries and the United States for promoting Nazism and others. The authors draw attention to the responsibility of the Russian elite for discrediting the Soviet history, with the creation of a favorable atmosphere for a radical ideological offensive of neoliberal discourse of the politics of memory.

Key words:

agonistic discourse, the politics of memory, the memory of the war, the discourse discredit totalitarianism, the Soviet regime, the technology of construction of «twins», the strategy oblivion, decommunization, World War II.